

The background of the cover is a detailed illustration. On the right, a muscular man with a dark beard and intense gaze wears a black, open-collared shirt. On the left, a woman with long dark hair in a light pink dress holds a young child. They are in a room with large arched windows showing a sunset over mountains. The scene is lit with warm, golden light from the windows and interior lamps.

МИЛ РЭЙ
МИЛЛАНА МИ

ЖЕСТОКИЙ РАЗВОД

Вернуть (не) любимую жену

Мил Рэй

**Жестокий Развод. Вернуть
(не) любимую жену**

«Автор»

2026

Рэй М.

Жестокий Развод. Вернуть (не) любимую жену / М. Рэй —
«Автор», 2026

- Я никуда с тобой не поеду. Твоя любовница родит тебе сына, как ты и мечтал, - говорю мужу, направляясь к такси. Алихан преграждает мне путь, нависая надо мной, как скала. - Я отвезу тебя домой, - жестко выговаривает предатель. Муж подходит ко мне, берет за руку, как ни в чем не бывало. Блондинка сидит в машине, хищно смотрит на нас, словно она - победительница. Вокруг собираются люди, Байсаров сощуривает глаза и пепелит меня льдисто-голубым взглядом. - Отпусти. Ты меня предал! Мне даже находиться рядом с тобой противно, - кричу, и мой голос ломается от боли. Вырываю руку из его цепкой хватки. Прикрываю ладонью живот, будто защищая своего малыша. - Какого черта ты творишь, Мира? Садись в машину, - зло выплевывает. - Я с тобой развожусь, - в первый раз повторила я так громко, что Алихан моментально изменился в лице. Маска холодности сползла с его высоких скул. - Я с тобой развожусь, - повторяю во второй раз, не ожидая того, что дальше сделает Байсаров

© Рэй М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мил Рэй

Жестокий Развод. Вернуть (не) любимую жену

Пролог

Мира

- Неужели... Беременна... - переспрашиваю я, и собственный голос звучит так, будто он чужой. Тонкий, дрожащий, обрывающийся на вдохе.

Я лежу на кушетке, под поясницей ещё чувствуется холод бумаги. Гель липнет к коже, и мне становится не по себе не от него, а от того, как недовольно врач смотрит на монитор. Будто там не моя судьба, а просто очередная строчка в отчёте.

Женщина-доктор сухая, грубая, с туго собранными волосами и раздражённо поджатыми губами. Она не поворачивается ко мне сразу. Клацает мышкой, печатает что-то, затем, наконец, разворачивает кресло и устало смотрит на меня из-под очков в тонкой оправе.

- Беременна, милочка, - бросает она. - Плодное яйцо визуализируется. Срок маленький. Где-то четыре недели.

У меня в груди вспыхивает жар, и одновременно подкашиваются ноги.

Я приподнимаюсь на локтях, потом сажусь, прикрывая живот ладонью, до сих пор не веря себе.

Она фыркает.

- Мда уж. Сначала не предохраняются, а потом спрашивают: «Беременна ли я, доктор?!» Беременность планируете сохранять?

Ее интонация, неуместный смешок и сарказм меня не цепляет, хотя слушать такое неприятно.

Ей меня не понять.

Я не думала, что смогу забеременеть после страшного диагноза, который мне поставили год назад.

И вот теперь, на темном мониторе, я вижу крошечную горошинку, моего малыша.

Нашего.

В груди у меня расцветает счастье, эмоции переполняют, а слезы радости рвутся наружу.

- Я замужем и ребенок желанный. Я буду рожать, - фыркнула в ответ.

Создалось такое ощущение, будто мои слова о том, что у меня есть муж, ее вывели из себя.

Врач скривила тонкие губы, дернула пальцем очки, чтобы они не съезжали на переносице.

И добавила уже громче, с неприятной уверенностью:

- Муж даже есть. Прекрасно, - хмыкает неприятная доктор. - Но должна огорчить вас, милочка. Ребенка вы не выносите.

Ее жесткие слова бьют сильнее любого диагноза.

- Я не буду нести ответственность за вашего ребенка. Эндометрий тонкий для этого срока, - поджимает губы женский доктор Алиса Назаровна.

- Это все? Вы говорите такие вещи только из-за эндометрия? - я поднимаю брови, не понимая ее резких слов.

Она щурится, кривит улыбку, будто решает, стоит ли мне вообще что-то объяснять.

- И по вашей карте... - листает небрежно, как чужой дневник. - У вас диагноз «бесплодие». Поэтому невынашивание не под вопросом, а скорее факт. Вы гормоны вообще сдавали?

От её голоса у меня внутри всё сжимается.

Да. Сдавала. Всё. По кругу. Ещё раз. И ещё.

- Мы готовились с мужем к появлению малыша. Я была у десятка докторов. У меня есть назначения.

- «Мы», - она передразнивает меня и цепляется именно за это слово из всех сказанных мной фраз.

Врач отодвигает стул, вставая.

Я резко втягиваю воздух, шокированная ее словами.

- Где вы работаете? - спрашивает она.

- В «Байсаров Групп», - отвечаю автоматически.

Фирма мужа давно стала и моей жизнью тоже: не просто работа, а часть нашего общего пути.

Доктор ухмыляется так, словно я сказала что-то смешное. Ее глаза хаотично бегают по моей медкарте, словно выискивая что-то.

- Ах, вот как. А я-то думаю, что за знакомая фамилия, - сощуривает миндалевидные темные глаза.

Доктор тянется к бланкам.

- Сообщите начальству, что вы беременны. И напишите заявление на перевод на лёгкий труд. Никаких переработок и стресса. Я не буду нести ответственность за вашего ребенка, повторяю. Кстати. Директор ваш в курсе, что его сотрудница по врачам бегает? Или вы родственница Байсаровых?

Меня обжигает её взгляд. Сверлит, будто дырку сейчас прожжет.

- Директор в курсе, - говорю я и стараюсь держать спину ровно. - Это мой муж.

Её ручка замирает над бумагой.

- Муж?! Хах. Не смешите, милочка, - многозначительно таращится на меня из-под очков.

- Алихан Байсаров - мой муж, - повторяю чётче. - И ваша справка мне не нужна. Если можете дать назначения или направления на анализы - то дайте. Если нет, то я найду другого доктора.

Врач смотрит на меня так, будто я сейчас сказала какую-то несусветную чушь.

Потом она вдруг краснеет и резко откладывает ручку.

- Мира Владимировна, - произносит она почти ласково, но в этой ласке - яд. - Шутка не смешная. Все знают, что у Байсарова другая невеста. Уважаемый человек, не надо мне тут сказки рассказывать.

Глава 1

Мира

В ушах звенит. Я чувствую, как кровь приливает к лицу - от унижения, от злости, от боли, которую она даже не подозревает задеть.

«Другая невеста»...

Эти слова похожи на грязь, которой она пытается меня облить, не зная ни нас, ни нашего дома, ни того, как Алихан пылинки с меня сдувает и любит.

Я тянусь за салфетками, еще раз старательно вытираю холодный гель, натягиваю одежду с какой-то механической точностью, словно робот.

Поправляю красивое обручальное кольцо с россыпью искристых бриллиантов на безымянном пальце...

Я всегда была уверена, что мой муж любит меня.

Он делает для меня все. И даже мой диагноз «бесплодие» не остановил Алихана.

Ровно два года назад мой любимый сделал мне предложение, и мы с ним поженились.

У нас была сказочная свадьба.

Я до сих пор храню это воспоминание как тёплый свет внутри: красивую церемонию, где было много любви, и где я точно знала, что рядом со мной - мой человек, мой первый и единственный мужчина.

И даже читаемая личная неприязнь не дает жестокой женщине сейчас плевать мне в душу и говорить, что у Алихана есть невеста!

- Вы сейчас серьёзно? - спрашиваю я и понимаю, что голос у меня сипнет.

- Абсолютно, - уверенно кивает она. - И справку я всё равно выдам. И начальству вашему отправлю. Если вы не забыли, то наша клиника заключила договор с «Байсаров Групп». И я уведомлю руководство официально. А вы там уже разбирайтесь со своими фантазиями...

Ее уверенность и надменный тон меня обескураживают.

У меня руки начинают трястись.

- Это не фантазии, Алиса Назаровна, - произношу я медленно. - И вы не имеете права со мной так разговаривать. У вас ко мне что-то личное? Мы даже не знакомы с вами. Как вы себя ведете?!

Она пожимает плечами.

- Я имею право говорить правду. Насчет вашего замужества - я уже все сказала, - кривит губы в гримасе. - Но главная правда такая: вам лучше избавиться от ребенка. Срок беременности маленький, риски большие, и если вы сейчас будете устраивать истерики, вы её точно не сохраните.

Эти слова бьют в самое больное место.

Хотя, куда больнее...

Фразы о том, что я не смогу родить, набатом стучали в моей голове, когда после очередного обследования я сидела на полу в ванной и смотрела в одну точку, слезы глотая.

Алихан никогда не злился на меня в такие моменты.

Мой любимый молча поднимал меня с холодного пола, относил в спальню.

Муж спокойно принимал новость о том, что мы вряд ли станем родителями.

Хотя, никто не знает, что творилось у него в душе.

А меня острыми копьями било в самое сердце: я - "пустоцвет", "бесплодная", "бракованная", женщина, которая не может подарить любимому ребенка...

Но Байсаров говорил мне: **«Я люблю тебя, маленькая. Мы все равно будем вместе. И ты родишь мне сына».**

Муж держал мою голову у себя на коленях, гладил водопад моих волос и повторял: «Я не верю врачам, хоть мой отец и врач. Мы справимся. Проверимся в другой клинике. Ты не одна, моя Мира. И у нас все будет».

Я поднимаю на неё глаза.

- Карту мою отдавайте. А дальше я сама решу, где наблюдаться и кого ставить в известность, - произношу я ровно. - И фамилию вашу. Для обращения к заведующей.

Её глаза наконец встречаются с моими. В них плещется раздражение и злость. Злость человека, который не верит, что его могут коснуться последствия.

- Фамилия моя указана внизу, - бросает она и пододвигает лист. - Я пыталась вам помочь, а вы... Как хотите, в общем.

Она что-то бормочет себе под нос про то, что это форменное хамство, что не положено выдавать медицинскую карту пациентке.

Потом медленно, вымученно заполняет бланк, шлёпает печать.

Дальше она почему-то протягивает мне остальные документы так, будто делает одолжение.

Я медленно выдыхаю, потому что если сейчас вдохну резко - точно сорвусь.

У двери я оборачиваюсь.

- Ваша помощь ни к чему. Вы просто издеваетесь над пациенткой. Вы доктор вообще-то, если забыли, - говорю тихо, но отчётливо.

Я выхожу в чистый, светлый коридор клиники, и только там меня накрывает.

Ноги ватные.

Ладонь сама ложится на живот, непроизвольно, так, как будто я могу удержать внутри эту маленькую искру.

Я стою у окна, смотрю на мокрый от дождя двор больницы и пытаюсь не заплакать.

Плакать и нервничать мне нельзя, в этом Алиса была права.

Поднимаю глаза к белоснежному потолку, но упрямые капли стекают из уголков глаз по щекам, проскальзывают в волосы.

Мы с мужем хотели и ждали.

И Алихан, Алихан ни разу не сказал мне ни одного слова упрёка.

Он умеет быть жёстким со всем миром - с конкурентами, с партнёрами, с людьми, которые пытаются играть с ним в грязные игры.

Но со мной он другой.

Сильный, нежный и ласковый одновременно. Он - моя опора, человек, который изменил мою жизнь.

Я люблю его так, как будто это тоже диагноз неизлечимый.

Кожа помнит тепло его рук, даже когда его нет рядом.

На губах застыли его жаркие поцелуи.

Мой муж красивый мужчина, сильный, статный. Женщины всегда вились вокруг него, но Алихан умеет держать дистанцию и показывать, что только я его любимая.

Я познакомилась с Алиханом случайно, чуть больше двух лет назад. В самый обычный рабочий день, который ничем не выделялся из череды остальных бесцветных будней. Пока в офисе не появился Алихан.

Мы пересеклись возле стойки ресепшен, там, где люди обычно просто проходят мимо. Он спросил, из какого я отдела. И это была короткая, формальная, почти дежурная фраза. Я сказала, что работаю маркетологом, почему-то добавила, что недавно устроилась в фирму. Мы разговорились.

Я не знала, что передо мной новый директор.

Потом, на официальном представлении коллективу, я поняла, с кем общалась утром...

Алихан красиво и ярко ухаживал, его настойчивость сломала все рамки и границы между нами.

Я влюбилась в своего будущего мужа с первого взгляда.

И люблю все в нем.

Ясные, голубые глаза, холодноватые на первый взгляд, но по-настоящему живые, внимательные.

У Байсарова есть какая-то особенная мужественность без показухи - в широкой линии плеч, в крепких мускулистых руках, в атлетичной фигуре, словно высеченной из мрамора.

И мой муж никогда не давал мне повода усомниться в его верности...

Но как объяснить то, что врач сейчас плюнула в нас обоих?

Я достаю телефон. Пальцы скользят по экрану.

Алихан записан у меня «Любимый», не иначе.

Сейчас это слово на экране будто выравнивает меня изнутри.

Я ишу в книжке его номер, но не нажимаю вызов сразу.

Несколько секунд просто смотрю.

Потому что если я услышу его голос, точно расплачусь.

А я не хочу, чтобы он слышал мои слёзы в телефонной трубке в этот момент.

Я пишу сообщение, стираю, снова пишу.

Решаю позвонить, не могу терпеть до вечера и мусолить в голове слова врача.

Гудки тянутся, как смола. Только на третьем муж берёт трубку.

- Да, - его голос деловой, привычный, будто он только что вышел из совещания. - Ты у врача?

Я закрываю глаза на секунду, делаю вдох.

- Да, - отвечаю, но почему-то не договариваю фразу, которой хотела обрадовать мужа.

Я столько раз представляла, как скажу ему: «Любимый, я беременна. У нас будет малыш с твоими глазами и твоей улыбкой!»

Но сейчас я молчу. Слова стынут на губах, пальцы нервно впиваются в корпус мобильного.

Пауза короткая, но в ней успевает уместиться целая вечность.

Он ничего не спрашивает, только откашливается и добивает меня одной фразой.

- Я не смогу тебя забрать. Доберешься сама домой, - холодно говорит мой муж.

Потом до меня долетает женский голос: "Пошли ее, Алихан! Хватит слушать эту дуру!"

Глава 2

Мира

У меня на миг слабеют колени, но я держусь, упираюсь рукой в холодный пластик подоконника.

- Алихан, ты не один? - я сглатываю.

- Мира, я на работе. Занят. Увидимся дома, - рыкает он раздраженно, обжигая непривычной сталью баритона.

Я забыла про обещание Алисе Назаровне пойти к заведующей. Забыла обо всем.

Мне стало так душно и тяжело в груди, что я хотела немедленно сбежать из клиники.

Я бессильно опускаю телефон и быстро иду к выходу, потому что свежий воздух нужен мне как никогда.

На улице сыро, промозгло и холоднее, чем я ожидала.

Я кутаюсь в шарф. Машины проезжают мимо, и вдруг возле меня останавливается одна из них. Из красного Мерседеса ко мне выходит та, кого бы я сейчас совсем не хотела видеть....

Шины автомобилей шуршат по мокрому асфальту, потом раздается сигнал клаксона. Следом еще один.

- Мира! - слышу, как кто-то хлопает дверью машины и меня окликает по имени.

Я поднимаю глаза и вижу перед собой Бирюзу.

Сестра моего мужа выходит из ярко-красного внедорожника так уверенно, будто приехала сюда не случайно, а по расписанию. Белая шубка, идеальная укладка, и ее фирменный взгляд лисы - острый, внимательный, хитрый. В её лице есть что-то красивое и холодное одновременно.

И с Бирюзой мы общаемся формально хорошо. Но тепла в наших отношениях нет.

И наша встреча здесь, у клиники, кажется совсем неслучайной...

- Мира, я тебе сигналю, а ты не слышишь, - она улыбается, рассматривая меня.

Я делаю вид, что удивляюсь так же, как должна была бы удивиться она, увидев меня здесь.

- Привет, прости, не заметила тебя, - запросто отвечаю.

Бирюза вздернула точеный носик и заметно фыркнула, будто я ее оскорбила своим ответом.

- Ты вечно в мыслях витаешь, - говорит мне сестра Алихана. - Что ты тут делаешь? - с живым интересом спрашивает.

- Плановый осмотр, - отвечаю ровно, прячу распечатку и направление глубже в сумку.

Рука сама тянется прикрыть живот, но я удерживаю себя от этого жеста.

Бирюза подходит ближе, перебрасывает длинные светлые пряди за спину. Замечаю, что у нее не только новая шуба, но и новая машина.

- Какой еще плановый осмотр? Ты болеешь? - спрашивает она так легко, будто интересуется новой помадой. - Клиника-то специфическая. Может, ты наконец-то родишь моему брату сыночка?

«Специфическая» - произносит так, будто это не слово, а постыдное клеймо.

Внутри поднимается новая волна тревоги. Не паника, нет. Неприятное липкое чувство, когда понимаешь, что рядом человек, который задаёт вопросы не потому, что волнуется, а потому, что хочет к чему-то прицепиться, что-то выведать...

- Обычный осмотр, Бирюза. Ничего серьезного, - говорю ей, чувствуя, как горло стягивает судорогой. - С этой клиникой у фирмы Алихана заключен договор...

- А, угу... Слышала что-то. Ты же знаешь, все эти рабочие моменты не для меня, - отмахивается от меня и заливисто смеется, перекладывая новый оранжевый айфон из одной руки в другую.

Я вижу, как она смотрит на мою сумку.

Как будто там лежит ответ, который ей нужен.

- Кстати, а мой брат знает, что ты здесь? - она произносит имя брата с мягкостью, но в этой мягкости слышится властная, хозяйская интонация. - Просто странно. Ты одна. Без него.

Я чувствую, как напрягаются плечи. Но лицо держу спокойным.

- Я сама решила приехать, - говорю. - Время было.

Она кивает, но все также пытливо смотрит на меня сквозь наращенные ресницы.

- Ты неважно выглядишь, - говорит Бирюза и чуть наклоняет голову. - Бледная. Может, отвезти тебя домой? Поболтаем по дороге. Алихан подарил мне новую машину. Прокачу тебя, невестка.

Меня полосует злость, прожигает изнутри и учащает сердцебиение.

Муж не говорил мне, что сестра выпросила у него новое авто. Хотя ее «старый» автомобиль был не хуже этого.

- Нет, я доберусь сама, - говорю я.

- Ну, если что - звони, - говорит она. - Я всегда тебя выслушаю. И помогу советом. Мы же семья.

Ядовитые слова вылетают из ее пухлых губ, как змеи.

И в этот момент особенно ясно понимаю: я не хочу, чтобы Бирюза или моя свекровь знали хоть что-то. Ни про беременность, ни про риски для малыша.

Дом моей мамы встречает меня тишиной и закрытыми дверями.

Мама стоит на пороге в домашнем халате, с кухонным полотенцем в руках. Волосы убраны, а на лице легкий макияж, как когда она собирается на работу.

На меня она смотрит так, будто я пришла без предупреждения и нарушила ее привычный распорядок дня.

Снимаю обувь, и ловлю себя на мысли, что теперь всё делаю медленно, аккуратно.

Словно даже лишнее движение может сломать хрупкое равновесие, навредить моему малышу.

- Ты же не на долго, как всегда? Я на работу через час уйду, - произносит мама с упреком в голосе. - Что-то случилось? - переспрашивает мама, шагая в кухню впереди меня.

Она проходит на кухню, и я иду за ней, как в детстве: следом, пытаюсь не сказать лишнего, не расстроить и как бы «попасть» в её настроение.

- Все в порядке. А почему ты вышла на работу? - спрашиваю, так как мама в последнее время болела и не собиралась выходить на прежнее место.

Она молчит, держит паузу, и напряжение висит между нами плотным слоем.

Мама ставит чайник, как-то нервно и непривычно громко гремит чашками, будто бросает их на стол, а не ставит, как обычно.

- Пашу уволили, - говорит она, наконец, будто продолжает разговор, который уже давно идёт у неё в голове. - Две недели назад начальник поставил перед фактом. Сокращение, видите ли. Пришлось мне договориться и вернуться к Лене в магазин.

- Почему ты мне не сказала?

И тут мама впервые разворачивается ко мне.

- А ты бы что сделала, м? - она бросает на меня недовольный взгляд. - Помогла бы матери? Посочувствовала? У тебя же своя жизнь! Тебе же не до нас!

Слова она произносит холодно и колко, с неприятной усмешкой, будто я виновата в их семейных проблемах.

- Mam, - я пытаюсь говорить спокойно. - Я не знала. Мне жаль. Правда. Я могу чем-то помочь?

Мама тяжело вздыхает, садится напротив и смотрит на меня внимательно, оценивающе, как на чужого человека.

- Мира, ты ведь живёшь с богатым мужем, - произносит она без стеснения. - Могла бы помочь нам с Пашей. Попросить пару миллионов у своего Байсарова.

Я чувствую, как по позвоночнику поднимается холод.

- Я не могу попросить у Алихана такую сумму для вас, - говорю медленно. - Это неправильно.

- Неправильно? - мать усмехается. - А жить так, как мы живем, по-твоему правильно? Сама жируешь, а мать твоя выкручивается как может? Ты ни о ком, кроме себя не думаешь!

Мама отмахивается от меня, недовольно цокает и кривит губы в гримасе.

Я открываю рот и тут же закрываю.

Глотаю воздух, как рыба, выброшенная на берег.

Потому что понимаю, что приехала не в то время и... не в родной дом, где поймут и выслушают.

- Я могу попросить Алихана, чтобы взял Павла на работу. Почему он не ищет работу? - произношу осторожно, пристыженная фразами матери.

- Не твое дело, - перебивает она и разводит руками. - Такая помощь нам не нужна. Ты стала такой же, как твой муж. Зазнавшейся и жадной!

Я сжимаю пальцы под столом так, что ногти впиваются в кожу.

- Я поеду домой. Если ты передумаешь, то скажи мне и я поговорю с Алиханом, - говорю я и встаю.

- Нам с Пашей твои подачки не нужны, Мира! Хотела бы помочь матери, помогла бы нормально, как любящая дочь, - мать горделиво поднимает голову.

Она смотрит на меня, как на человека, который делает по-своему, не так, как хочет она. Неправильно...

- У вас ведь даже детей нет. Так что, в случае чего, своего Байсарова ты ничем не удержишь, Мира, - бросает мне мать на прощанье.

Я ничего не отвечаю маме. Слова застревают тяжелым комом в горле.

Не понимаю, когда мы с ней так отделились и в чем я так провинилась перед мамой.

Я выхожу на лестничную клетку и только там позволяю себе вдохнуть глубже....

Глава 3

Мира

Когда я вернулась, муж уже был дома.

Алихан стоит в гостиной, без пиджака, в рубашке с закатанными рукавами. В его руке мобильный телефон.

Муж разворачивается и смотрит на меня тяжело, давящим взглядом. Его челюсть напряжена так, что на виске играет мышца.

- Где ты была? - строго спрашивает Байсаров.

- У мамы, - отвечаю, скидывая ремешок сумочки с плеча.

- Почему ты не брала трубку? - он делает шаг ко мне.

В голосе такая ярая злость, которой никогда не слышала раньше.

- Ты была в клинике, потом исчезла. Я звонил сто раз. Думал, что тебе плохо стало, Мира. Какого черта ты не поднимаешь трубку?

Я чувствую, как внутри поднимается протест. Муж переживает, это заметно, тон его... тон, как у человека, который имеет право обвинять.

- Я ехала в такси, не слышала, - говорю.

Муж видит мой испуг, подходит еще ближе. Покачивает головой, словно стараясь скинуть напряжение. Мы стоим рядом. Ноздрей касается аромат его парфюма, нотки сандала и черного перца заставляют невольно поежиться.

- Что сказал доктор, Мира? - спрашивает Алихан, сменив волевой тон на привычный мне.

- Много всего, - говорю я, стараясь не смотреть ему в глаза.

Мысли о неприятном разговоре с врачом должны были испариться из моего сознания. Я ведь думала только о том, что у меня под сердцем уже живет наш с Алиханом малыш. Должна была радоваться, и сказать ему долгожданную новость...

Но увидев мужа, острая волна ревности затуманила разум.

Фраза другой женщины, которую услышала во время разговора с мужем, не дает покоя. Я с трудом подавила порыв высказать ему все сразу.

Алихан же ждал новостей от доктора, словно чувствуя, что я что-то скрываю.

- И что же сказал врач? Ты вышла из клиники расстроенная, - Байсаров выгибает широкие брови, вопросительно глядя на меня.

У меня внутри щёлкает.

- Откуда ты знаешь?

Он смотрит на меня через ресницы, и его голубые глаза становятся цвета холодного зимнего моря.

- Бирюза звонила мне. Сказала, что ты отказалась ехать с ней, рванула к такси, - касается моего подбородка, поглаживая крохотную ямочку на щеке.

Я отшатываюсь, как от удара.

- Тогда зачем ты спрашиваешь, раз сестра тебе уже все доложила, - фыркаю, отстраняясь от него.

Я обхожу мужа, иду в спальню, на ходу снимая пальто и шарф, который цепко охватил мою шею и душит.

Алихан следует за мной, догоняя у гардеробной. Успеваю быстро скинуть одежду, надеть домашний костюм.

Хочу сбежать от него в душ, смыть сегодняшний день.

Тело будто чужое, не слушается меня, внизу живота неприятно тянет спазмами.

Муж выставляет руку, преграждает мне путь и осматривает мое бледное лицо.

- Мира, не говори со мной так. Бирюза ничего мне не докладывала. Она просто переживает за тебя, сказала, что ты была сама не своя. Что происходит?

Он резко выдыхает, и злость в нём будто находит выход.

Я замираю на полуслове, кажется, даже дышу через раз.

- Я у тебя хочу спросить, что происходит, Алихан. Ты мне изменяешь? - выдавливаю, и кончики пальцев покалывает от растущих нервных импульсов.

Страшные слова срываются с губ сами собой.

Сердце дрожит от боли, когда смотрю в родные глаза любимого.

Губы Алихана сжимаются в одну тонкую полоску....

Глава 4

Мира

- Что за вопрос, Мира? - Байсаров почти рычит и отводит взгляд, как будто пытается удержаться, чтобы не накричать на меня.

От слез режет глаза, и я поднимаю подбородок вверх. Уставляюсь на минуту в потолок, осматриваю нашу спальню, в которой недавно сделали ремонт по моему вкусу.

Наверно, другая бы на моем месте промолчала, радовалась, что муж дает ей все. Но я не могу так.

- Я все слышала, Алихан. Какая-то женщина сказала тебе, чтобы ты меня послал подальше и закончил говорить со мной.

Набираю воздуха в легкие, стараюсь смотреть ему в глаза.

- Доктор в клинике сказала мне, что у тебя есть другая невеста. Невеста, Алихан! Это она была с тобой сегодня? - говорю я медленно, и каждое слово обжигает как пламя.

Он на секунду замолкает, и я вижу, как в нём борется что-то человеческое, с чем-то привычно-жестким.

Но напряжение не отпускает.

На мой вопрос муж не отвечает. Вместо этого, Байсаров берет меня за талию и тянет к мягкому креслу.

- Не говори ерунды - говорит он резко, почти приказом. - Сядь. Я вызову врача, тебя всю трясет. И больше ни шагу без меня.

И в этой его фразе и забота, и власть.

- Доктор в больнице, с которой у твоей фирмы заключен договор, открыто говорит, что ты собираешься жениться на другой. И об этом все знают, Алихан! А ты делаешь вид, что ничего не случилось, - я почти смеюсь от абсурда, но смех выходит сухим.

- Послушай меня, Мира, - его голос становится низким, жестким, и я узнаю в нём того Алихана, который не терпит, когда кто-то пытается управлять его жизнью. - Никакой невесты у меня нет. Ты - моя жена. Единственная. Это грязь и гребаные сплетни - вот, что тебе сказали! Как зовут твоего врача? Я разберусь с ним.

- С ней. Мой врач - женщина, и прекрасно знает вашу семью. Она говорила со мной, как с идиоткой, когда я сказала ей, что я - твоя жена, - говорю ему. - Как мне реагировать, Алихан? Почему кто-то может сказать такое, как факт? Почему кто-то может тебе приказать, чтобы ты послал жену и положил трубку?!

Мой голос ломается. Истерика давит комом в груди.

Я непроизвольно опускаю ладонь на живот.

Знаю, что нельзя нервничать, нужно беречь малыша... Но не могу успокоиться.

Муж молчит секунду, желваки играют от негодования на его точеном лице.

И в этой секунде я понимаю: что-то не так. Не обязательно есть невеста. Но есть повод для слухов.

- Ты слушаешь кого угодно, кроме своего мужа, Мира, - наконец говорит он глухо. - У меня никого нет. И точка. Я приехал домой, чтобы побыть с тобой перед командировкой, а не обсуждать то, что несут какие-то сплетницы за моей спиной! С врачом я разберусь, как и обещал. Что тебе сказали насчет ребенка? Ты беременна или опять ложная задержка?

Его слова бьют по живому.

Я держусь изо всех сил, чтобы не зарыдать в голос.

«Ложная задержка» в этот раз оказалась совсем не ложной.

Я хочу поверить, но не могу.

Телефон мужа, который Байсаров оставил на туалетном столике, часто подрагивает от входящего звонка.

Алихан переводит взгляд на мобильный, и выпускает мою руку.

Муж поднимает трубку, на том конце провода частит мужской баритон. Я не могу различить, о чем они говорят, но четко вижу, как лицо Алихана вытягивается и становится мрачным.

- Да, я собирался завтра... Нет, черт возьми. Я не согласен на их условия, - рыкает в ответ на тираду мужчины, который говорит и говорит что-то быстрое и непонятное.

Алихан слушает еще пару секунд, и я вижу, как у него дергается скула.

Пальцы моего мужа сжимают телефон так, будто он сейчас разломает его пополам.

Алихан делает шаг к окну, будто ему не хватает воздуха, и говорит тише.

Но в его лице столько злости, что мне становится еще страшнее.

- Нет, - отрезает жестко. - Я сказал: нет. Мне плевать, что у них там за... гребанные договоренности с Шамхалом.

Я сижу, прижав ладонь к животу, и пытаюсь дышать ровно. Не получается. В груди ком, горячий и тяжелый.

- Все, - обрывает он разговор. - Я прилечу утром.

Он сбрасывает звонок, и в нашей спальне становится тихо.

Только мое рваное дыхание и стук пульса в ушах.

Алихан разворачивается ко мне. Ловлю пустой взгляд мужа, такой, будто он принимает решение прямо сейчас, но мне его не озвучивает.

- Мне нужно уехать сейчас. Хотел завтра, но обстоятельства требуют моего присутствия, - сухо говорит он.

Я моргаю. Пытаюсь ухватиться за что-то, за любую нитку.

- Сейчас?.. - голос ломается, звучит как-то искусственно.

Муж резко выдыхает, подбирает из гардероба свой собранный заранее чемодан. Эту сумку он берет с собой, когда уезжает не на день, а на пару-тройку суток.

И мне ничего не говорит...

Байсаров подходит ко мне, присаживается на корточки у моих ног.

Смотрит в глаза так пронзительно. Его взгляд расплавленное серебро сейчас, как в минуты нашей близости.

- Мира, даже если сейчас не получилось забеременеть, то... скоро у нас все получится. Завтра ты поедешь к моей матери.

- Зачем?..

- Она хочет повидаться с тобой, - добавляет он, словно это мелочь, обычное дело.

Свекровь никогда не приглашала меня в гости без мужа.

Сначала Бирюза с расспросами, а теперь сама Марина Тимуровна меня зовет к себе в дом.

Встаю с кресла, с дрожащими пальцами на животе, и даже не могу выдавить из себя самое главное.

- Алихан, - я пытаюсь поймать его взгляд. - Мы с тобой не договорили. Ты ничего не объяснил и уже уезжаешь. И я не хочу никуда ехать.

- Мира, мы будем бесконечно обсуждать грязные слухи или то, что тебе послышалось по телефону? - перебивает он. - Мне уехать. Я вернусь так быстро, как только смогу.

Мне хочется схватить его за рукав, удержать, заставить остаться хотя бы на пять минут, чтобы мы успели поговорить... Словно это точка невозврата к нашей счастливой жизни, и все вокруг рушится.

Но он уже берет мобильный, портмоне. Проверяет что-то в карманах.

Телефон снова дергается от входящего, и он даже не смотрит на экран, просто убирает его в сумку, будто прячет.

Муж подходит ко мне ближе, наклоняется.

На секунду его теплое дыхание касается моей щеки.

Волна нежности поднимается от низа живота к груди.

Я люблю Алихана, но то, что происходит между нами, становится преградой.

Муж хочет меня поцеловать, но я отворачиваюсь. Он притягивает мое лицо к себе, улыбается и целует меня в губы.

Горячо, с жаром, как раньше...

Алихан обнимает меня, припечатав к широкой груди свободной рукой. Второй сжимает дорожную сумку. Телефон все еще продолжает звонить где-то в сумке, а у меня в душе разгорается тревога. Сердце бьется так тревожно и часто, будто предчувствует что-то плохое....

Глава 5

Мира

«Я не хочу ехать к свекрови», - с этой мыслью я леглась спать и просыпаюсь утром. Лежу на боку и считаю вдохи. Низ живота поглаживаю ладонью, и чувствую, как тошнота подступает волнами. Липкими и пугающими.

Голова тяжелая, будто внутри ваты набили.

Сегодня я не пошла на работу, впервые за долгое время.

Отправила нашему кадровику короткое сообщение, сухо, без подробностей сказала о том, что плохо себя чувствую.

В ответ от Натальи Сергеевны пришло такое же короткое сообщение: «Скорейшего выздоровления!» и грустный смайлик.

Натягиваю край пушистого одеяла на плечи и смотрю на часы.

О том, во сколько нужно явится к свекрови, муж мне ничего не сказал. Но для себя я решила, что не поеду туда.

Воспоминания об огромном доме Марины Тимуровны, о его холодных стенах, о запахе крепкого душистого чая и навязанных чужих правилах вызывает у меня одну-единственную реакцию: закрыться изнутри.

Моя свекровь всегда держалась нейтрально по отношению ко мне.

На свадьбе при гостях обнимала, как родную, говорила с натянутой улыбкой, что рада такой красивой невестке.

Но тепла и искренней доброты от нее я никогда не чувствовала.

Она не часто бывала в столице, долгое время жила в Эмиратах, куда ее отправил властный отец Байсарова.

Расул построил для жены красивый особняк на Новой Риге. Но большую часть времени дом пустовал. И мне всегда этот дом казался музеем.

Моя свекровь любит все дорожное, пафосное, но души в этом нет от слова «совсем»...

Своего свекра я видела всего несколько раз, и в основном в офисе Байсаров Групп.

На работе коллеги шептались, что у Расула Байсарова есть вторая семья. Но я не в курсе, так ли это на самом деле.

Мы с мужем не обсуждали тему его отца, и думали только о нашей семье, жили в любви и счастье. Так было до вчерашнего дня...

Я нехотя опускаю ноги на пол.

В мыслях иду в ванную. Холодный пол обжигает ступни так, что они покалывают.

После душа спускаюсь вниз в кухню, чтобы сделать себе травяной чай.

Беременность будто идет наперекор мне, нелегко, упрямо, с капризами, которые я не в силах контролировать. Но я очень жду появления малыша и хочу, чтобы ему ничего не угрожало.

- Нужно найти нам хорошего врача и клинику, - говорю сама себе, будто бы общаясь с моим крохой.

Еще вчера я решила для себя, что к Алисе я больше никогда не обращусь.

Только присаживаюсь за стол и открываю ноутбук, как раздастся звонок видеодомофона.

Сначала один. Потом второй, настойчивее. Такой длинный и невыносимый, что я быстро встаю и иду открывать.

Я смотрю на экран и мне в лицо будто выплескивают ледяную воду.

Возле ворот моего дома вижу мою свекровь, Марину Тимуровну и ее дочку Бирюзу.

Марина топчется возле калитки и непрерывно давит пальцем на кнопку звонка.

Тяжело выдыхаю и открываю двери неожиданным гостям.

Стук каблуков по тротуарной плитке отбивает быстрый ритм ее походки.

Я открываю двери и смотрю, как Марина на каблуках семенит по легкому первому снежку, запорошившему двор.

Она в белоснежной короткой шубке, с каменным выражением лица, с дорогой сумкой, ремешок, который спадает с плеча. И она его все время поправляет. По нервным движениям свекрови, понимаю, что она пришла не просто так.

И злится, что я заставила ее ждать...

Рядом с ней идет Бирюза, ее младшая дочь.

Сердце стягивает неприятными жгутами от напряжения. Я не знаю, чего от них ожидать.

- Вот ты где, Мира, - говорит Марина Тимуровна так, будто застала меня не дома, а на месте преступления. - Мы звоним тебе, звоним. Ты что, не слышишь?

Я слышала, но не хотела слышать.

- Здравствуйте, Марина Тимуровна, - говорю я, и голос звучит слабее, чем мне бы хотелось.

Бирюза окидывает меня быстрым цепким взглядом, с головы до ног.

Марина Тимуровна проходит первой, снимает обувь так, будто делает это на своей территории, и сразу же оглядывает холл, лестницу, гостиную.

Потом свысока смотрит на меня и протягивает мне руку.

Я будто служанка, которая встречает госпожу. Чувство неловкости парализует меня на минуту, как тонкая нить, натянутая до предела.

Но я у себя дома.

Бирюза идет следом за матерью, шепчет что-то ей на ходу, и я улавливаю лишь обрывок фразы: «... я же говорила!»

Прохожу с родственниками мужа в гостиную и предлагаю присесть.

- Мы решили сами приехать, - сообщает Марина Тимуровна, усаживаясь на диван и поправляя бежевое платье. - Приехали в офис, но тебя там нет. Алихан уехал, а ты, оказываешься, спокойно спишь дома. Пока муж в командировке, ты занята непонятно чем!

Она произносит слово «занята» как какое-то оскорбление.

У меня темнеет в глазах на секунду. Я цепляюсь рукой за спинку кресла, чтобы не пошатнуться.

- Мне сегодня нездоровится, - говорю я. - Я не пошла на работу.

Марина упирает в бок руку, легко усмехается и смотрит на меня черными, как ночь, глазами.

- Не пошла на работу. Знаешь, в офисе говорят, что тебе и не за чем туда ходить. Должность у тебя маленькая, а муж - генеральный директор, - повторяет Марина Тимуровна и снова озирается в гостиной, как инспектор на проверке. - И что? Ты думаешь, у женщин бывают дни, когда можно просто так лежать? В мое время...

- В ваше время все было по-другому, - перебиваю я, и тут же слышу в собственном голосе резкость.

Бирюза вскидывает брови, как будто я только что сказала что-то неприличное. И вопиющее. И не имела права перебивать ее мать.

Моя свекровь поджимает губы.

В ее возрасте она сохранила свою красоту не без помощи денег мужа и старательной работы хороших косметологов и хирургов.

Но за этой маской, за красивым ухоженным лицом скрывается змеиная сущность.

И сейчас свекровь показывает мне ее во всех красках, не жалея и нападая на меня без повода.

- Мам, почему она с тобой так разговаривает? - Бирюза делает шаг ко мне. - Ты вообще понимаешь, кому ты отвечаешь?

- Как ты смеешь мне дерзить, Мира?! Я сразу поняла, кого Алихан привел к нам в дом, - гордо поднимает подбородок и сверлит меня оценивающим взглядом.

Я смотрю на них и ощущаю, как внутри поднимается странная смесь: шок, отвращение, усталость. Они вошли в мой дом и ведут себя так, будто я прислуга, которая позволила себе перечить хозяевам.

Марина Тимуровна сидит, как султанша, скептически кривит губы и осматривается, будто в первый раз пришла в дом своего сына.

- Мой сын купил вам такой дом, - произносит она с нажимом. - А хозяйки в нем нет. Пыль, наверняка, везде. Готовой еды нет, я уверена. Лежит она, бедняжка, отдыхает. Глядя на то, как вы живете, я даже рада, что ты не можешь стать матерью, Мира. Я не представляю, как бы ты заботилась о ваших детях. Воистину, Всевышний правильно не дает детей таким, как ты!

Бирюза усмехается, словно услышала долгожданные слова из уст своей матери.

- Не смейте так говорить. Со мной все в порядке. Я могу иметь детей, и не вам решать, какой бы я была матерью для нашего с Алиханом ребенка, - шиплю, как дикая кошка, которая готова на все, когда ее трогают.

- Ты вообще представляешь, как Алихану с тобой? - Марина Тимуровна встает и подходит ко мне ближе, и я чувствую ее тяжелую энергетику, как давление и угрозу. - Он мужчина. Ему нужна жена, а не вечно больная. Мой сын тебя не любит. А ты прицепилась к нему, как пиявка, и давишь на него своими диагнозами. Твое бесплодие - это твоя проблема, Мира! И я устала терпеть, что мой сын мучается рядом с тобой!

Яд ее слов попадает точно в самое уязвимое место, даже если я стараюсь казаться крепкой.

Марина знает, куда бить, и попадает в самую душу, беспардонно разрывая ее, как коршун когтями.

- Алихан мой муж, и мы разберемся без вас, - говорю я медленно, стараясь, чтобы голос не дрожал. - Почему вы пришли, когда его нет дома, и нападаете на меня вместе со своей дочкой?

Бирюза фыркает, поправляя идеально уложенные волосы.

- Мира, ты всегда была чужой в нашей семье, - говорит сестра моего мужа, глядя на меня с вызовом. - Ты бы сначала научилась уважать родственников мужа. Ты вообще, когда последний раз была у мамы? Когда ты звонила ей? Ты ведешь себя так, будто ты выше всех нас.

- Кто бы говорил. Не ты ли выпросила у Алихана новую машину? - отвечаю я.

Говорю слишком резко, но уже поздно отступать.

Лицо Бирюзы вытягивается, а глаза становятся злыми, как у овчарки, которая вот-вот бросится.

Марина Тимуровна смотрит на меня так, будто я дурно воспитанный ребенок. И прямо говорит об этом.

- Дочка, что можно говорить о Мире. Ты же видела ее мать. Такая хабалка кого может воспитать? Такую же гиену! И ты не имеешь права считать деньги моего сыночка, - презрительно тянет она.

- Почему же? Я его жена, - спрашиваю я, и внутри начинает звенеть.

Бирюза вмешивается, почти с удовольствием:

- Не строй из себя жертву, Мира. Алихан знает, за что купил мне авто. И что ты вообще можешь, кроме как ныть все время? Ты вообще хоть что-то делаешь для моего брата? Или только дом этот занимаешь?

У меня перехватывает дыхание. Я ощущаю, как по коже проходит холод.

Мне хочется бросить им в лицо: «Я беременна». Чтобы они подавились своими гадкими словами.

Чтобы на их лицах появилась хотя бы тень стыда.

Но я только сильнее выпрямляюсь, хотя мне физически тяжело стоять.

- Договаривай, Бирюза. За что Алихан подарил тебе машину? - спрашиваю я.
Сестра моего мужа отвечает не сразу.

Она будто выбирает момент, как актер выбирает паузу перед главным монологом. Смакует каждое слово, и растянув губы в улыбке, произносит:

- Сейчас узнаешь. Мы пришли не одни.

Я моргаю, не сразу понимая. Сердце делает глухой толчок.

- В смысле?

Марина Тимуровна смотрит мне прямо в глаза.

- Настало время сказать тебе правду, Мира. Хватит этих спектаклей. Мой сын тебе сам не скажет, потому что не жалеет тебя, нет. Потому что ты в принципе жалкая. Ты думаешь, ты удержишь Алихана? Думаешь, он тебя любит?

Слова ударяют, как пощечина.

Не потому, что я верю ей, а потому что она произносит это с такой уверенностью, будто знает мысли своего сына, копалась в его душе и четко понимает, что муж меня не любит, а терпит...

- Что вы говорите? Пусть Алихан сам это скажет. Вы не смеете меня оскорблять в моем доме! - выдыхаю я.

Бирюза подается вперед, почти торжествуя. Спокойно обходит меня и удаляется во двор.

- Собирай свои вещи. Я хотела это сказать твоей матери, чтобы забрала тебя отсюда. Мы молчали из уважения к Алихану. Но ты сама довела. Ты прилипла к нему, как пиявка.

Я открываю рот, но слова не выходят сразу. Меня накрывает такой волной отвращения, что во рту появляется горечь.

Вот для чего свекровь хотела видеть мою мать, вот почему приглашала нас вдвоем к себе в гости. Чтобы унижить меня при маме, высказать все, да и приказать ей забрать «бракованную» дочку!

- Уходите отсюда, - начинаю я и сглатываю.

Марина Тимуровна продолжает, будто не слышит моего голоса:

- Ты думаешь, ты ему родишь сына? Ты даже этого не можешь. Не можешь дать ему то, что должна женщина. А он здоровый мужчина. У него есть беременная невеста.

На секунду мир становится узким, как туннель: ее лицо, ее очерченный алой помадой рот, произносящий слова, и моя рука, которая непроизвольно ложится на живот. Этот жест получается инстинктивно, будто я закрываю собой то, что еще никто не имеет права трогать.

Марина Тимуровна этого жеста не замечает. В этот момент в дом входит Бирюза и ведет за собой моего доктора, Алису Назаровну, которая говорила мне ужасные вещи об Алихане.

И самое страшное, что рядом с Алисой стоит молодая белокурая девушка с хищными раскосыми глазами. Блондинка поправляет легкий платок, который почти не скрывает ее светлых волос и смотрит на меня.

Но взгляд мой падает не на ее миловидное лицо, а на огромный живот, размером с планету, которой она придерживает рукой.

- Познакомься, Мира. Это Наида, невеста Алихана. И она родит ему сына, - отрезает свекровь.

Алиса улыбается мне победно, будто Марина сейчас подтвердила то, что старательно выговаривала мне врач в клинике.

- Не невеста, а почти жена! Алихан засватал мою Наиду почти год назад. И я не пойму, почему эта женщина до сих пор живет в его доме. Скоро ребенок родится! - перечит моей свекрови Алиса.

Мой врач ведет себя не так сдержано, как в клинике. Хотя и там она позволила себе странную для доктора уверенность в высказываниях обо мне и о моем муже, которая теперь нашла разумное объяснение.

Теперь же, стоя в холле моего дома, она просто расцвела.

Алиса Назаровна надменно выставляет вперед крупный подбородок, ведет себя, будто и она здесь хозяйка.

Грудь сдавливает словно бетонной плитой.

Смотрю на Наиду, на ее большой, круглый живот и не могу поверить, что это происходит наяву.

Женщины, словно сговорившись, молчат и смотрят в мою сторону.

Четыре пары глаз уставились на меня так, будто готовы сейчас же испепелить.

И явно дают понять, что я им мешаю.

Мешаю моему мужу строить счастливую семью с "достойной" девушкой...

Мир качнулся, а сердце в груди пропустило удар.

Слова Алисы долетают до меня, словно через толщу воды.

Почти год назад Алихан засватал другую...

И вот теперь она, беременная, стоит передо мной и брезгливо смотрит на меня, как на ненужную вещь.

Глава 6

Мира

- Мама, мы долго будем ждать пока Эта уберется отсюда? - подает елейный голосок Наида.

Я моргаю, будто это помогает стряхнуть с глаз чужую реальность.

Каждое слово оставляет мелкие царапины по сердцу, как тысячи лезвий полосуют меня.

Смотрю на неё и впервые позволяю себе рассмотреть не «беременную невесту», не «почти жену», а конкретную девушку, которая стоит в моём доме так, словно он ей принадлежит по праву.

Наида правда очень молодая. Моложе меня, ей едва ли двадцать исполнилось.

Яркая блондинка, невысокая, аккуратная. Персиковая кожа сияет без усилий, а волосы лежат тяжёлой, ухоженной волной, раскатываясь по плечам.

Черты лица тонкие, правильные, губы мягкие, но с упрямой линией, подбородок чуть вздёрнут, и в этой невинной кукольности есть что-то выверенное.

Большой круглый живот делает её одновременно уязвимой и опасной: она придерживает его рукой словно щит, которым можно и прикрыться, и ударить.

Но самое страшное - ее взгляд.

Не растерянный. Не по-девичьи наивный, легкий.

В ее лице вообще нет наивности, хотя она умеет её изображать сладким, прозрачным, как сироп, голосом. Но это маска.

Она настоящая стерва, и свое не упустит.

Хищные глаза Наиды бегло скользят по мне.

Проходятся от лица вниз, и я чувствую себя вещью в магазине.

Алиса цокает, берет дочку за руку.

- Потерпи, доченька. Она сейчас уйдет, - холодно утверждает Алиса Назаровна и переводит на меня взгляд, тяжелый, как стальное клеймо. - Мы здесь не для долгих разговоров. Пора поставить все на свои места.

Она дерзким взглядом смотрит на мою свекровь, будто та ей что-то должна.

- Я звонила Алихану, но ваш сын не поднимает трубку. Видимо, жалость над этой убогой взяла верх над его обещаниями, данными Шамхалу. Он не мужчина, если так себя ведет!

Меня передергивает.

Вчера я слышала это имя Шамхал, когда муж говорил с кем-то по телефону.

А потом, перед тем как Байсаров ушел, были звонки, звонки бесконечные на его мобильный. И это звонила Алиса или сама Наида, судя по всему...

Марина Тимуровна стоит рядом, будто застывшая статуя. Ее строгая осанка, каменное лицо не изменились от наглой тирады моего врача.

- Мира, - произносит свекровь ровно, почти буднично. - Ты же понимаешь, что ты тут лишняя. Уходи. Вещи собирать не обязательно. Отправим курьером все, что тебе принадлежит. Хотя, что тут твоего-то...

В груди становится пусто и тесно одновременно.

Дом, который я считала своим убежищем, вдруг превращается в тесную клетку, где вокруг меня стоят чужие люди и решают мою судьбу. И судьбу моего ребенка.

Я медленно втягиваю воздух. Он кажется слишком холодным.

- Мы не в средневековье. Я имею права на этот дом. И я никуда не уйду. Вы здесь лишние, - мой голос звучит тише, и в этой тишине появляется сталь.

Алиса фыркает, как будто я сказала что-то смешное.

- Какая хамка! Нет у тебя прав никаких! Выгоните ее. Это уже по факту дом Наиды, - уверенно поправляет она. - Ребёнок родится - и всё станет официально. Или... - она делает паузу, смакуя каждое слово. - Алихан пожалел ее из-за беременности и оставил здесь, пока не родит ему больного ребенка?

Наида чуть приподнимает брови, и её губы слегка подергивает дрожь.

У меня сердце в пятки проваливается.

Марина Тимуровна резко поворачивает голову к Наиде, Алисе, будто одёргивает её взглядом, мол, что ты такое говоришь?

- Что еще за больной ребенок? Мира, ты беременна? - говорит свекровь, прожигая меня взглядом.

- А вы не в курсе? - перебивает Алиса, и её голос уже острый, как стекло. - Вчера она была у меня на приеме. Вы должны знать, что с беременностью проблемы. Ребёнок у нее будет больной. Если вообще родится. Она и так еле держится, кожа да кости. Алихану нужна эта обуза?

Сердце ударяет один раз. Больно, глухо.

Я прижимаю ладонь к животу, почти бессознательно. Алиса Назаровна смотрит именно туда, словно ждала.

Ее слова режут воздух. Я вскидываю глаза.

- Не смейте так говорить. Моя беременность вас не касается! - крик рвется из горла.

Марина Тимуровна, до этого спокойная, вдруг бледнеет, словно Алиса Назаровна сказала то, о чём они все думали, но боялись произнести.

Бирюза звучно хмыкает.

- Я же тебе говорила, она не зря была в клинике. А ты еще думала ехать или нет, - сестра моего мужа бросает своей матери несколько слов.

- Змея, подлая гадина, - шепчу Бирюзе.

- Алихан в курсе? Как он вообще допустил такое! - свекровь делает шаг ко мне. - Так... Это не обсуждается. Ты не будешь позорить нас больным ребёнком. Мы сейчас же отвезем тебя в клинику. Там всё сделают быстро, без шума. И ты уедешь. Так будет правильно.

У меня перехватывает дыхание.

- Сделаешь аборт, - произносит она сухо, без тени жалости.

- Да-да, я ей сказала тоже самое, - кивает утвердительно доктор Алиса.

Наида опускает ресницы, изображая смущение, но я замечаю, как под тонкой маской спокойствия вспыхивает удовлетворение. Она не наивная девочка.

- Я никуда не поеду, - я ловлю воздух, будто тону железа через легкие пропускаю. - Вы пришли в мой дом и говорите мне убить моего ребёнка?

- Не драматизируй, - отрезает Марина Тимуровна. - Это решение взрослой женщины. Разумное. Ты же не хочешь страданий ни себе, ни Алихану.

Алиса подхватывает, словно они репетировали:

- И не надейся, что Алихан выберет тебя. Он мужчина, ему нужна здоровая семья. И Нормальная жена, - она кивает на Наиду, как на идеальный вариант для моего мужа. - Он уже сделал выбор.

Я стою в холле и чувствую, как во мне поднимается что-то темное и горячее. Ярость накрывает меня.

За себя, за ребёнка, за то, что мне пытаются вывернуть сердце наизнанку и решить мою судьбу здесь и сейчас.

Я медленно расправляю плечи.

- Нет, уходите отсюда, - говорю я.

Они на секунду замирают, будто не верят, что я вообще способна возразить.

Я делаю шаг вперёд, и они отступают на полшага, почти незаметно. Даже Наида пятится к двери.

- Это мой дом, - произношу я отчётливо. - И вы сейчас же уйдёте отсюда. Или я вызову полицию.

Алиса усмехается, но улыбка получается натянутой.

- Посмотри на себя, - бросает она. - Ты ему не нужна. Ты думаешь, имеешь право так говорить нам?

- Имею, я его законная жена, - я почти смеюсь, но в этом смехе нет радости.

Я поворачиваюсь к свекрови. Сердце болит так, будто его сжимают руками, но я говорю ровно:

- Марина Тимуровна, я буду рожать! И если вы ещё раз произнесёте слово «аборт», я добавлю к заявлению, что вы угрожали моему здоровью и принуждали к медицинскому вмешательству.

Свекровь открывает рот, ну нее шок, настоящий, неподдельный. Она не ожидала сопротивления.

- Алиса Назаровна, - перевожу взгляд на мать Наиды, - забирайте свою дочь. И уходите.

Наида делает шаг, словно хочет что-то сказать, но я вижу, как она быстро считает в голове варианты.

- Ты пожалеешь, - тихо говорит Алиса.

Я поднимаю подбородок.

- Уже пожалела, что когда-то впустила в свою жизнь людей, которые считают ребёнка позором, - отвечаю я.

Я указываю всем им на дверь.

Рука дрожит, но я не опускаю её.

Марина Тимуровна смотрит на меня долго, как на чужую. Потом резко отворачивается.

- Пойдёмте, мой сын сам ее выбросит на улицу, когда узнает. И он все равно женится на Наиде, - бросает она, исподлобья глядя на мою реакцию.

Алиса поджимает губы, хватает Наиду под локоть и тянет к выходу.

Бирюза следует за матерью, а Марина, как королева, с надменным лицом гордо шествует на улицу.

Дверь закрывается с глухим щелчком, и в доме становится так тихо, что я слышу собственное дыхание.

Из окна вижу, как железные ворота за непрошеными гостями, наконец, закрываются.

Я тяжело выдыхаю.

Устало опускаюсь на диван в гостиной и обхватываю голову руками.

Я не знаю, что будет дальше. Не знаю, где сейчас Алихан и что он скажет, когда вернётся.

- Мы справимся. Сами, - шепчу своему малышу, с болью понимая, что наша семья разбилась вдребезги и ничего уже не исправить....

Глава 7

Мира

Я закрываю таблицу и потираю переносицу кончиками пальцев, легко надавливая на нее. Усталость не исчезает.

Цифры расплываются перед глазами, экран слепит слишком ярко.

Я едва смогла сконцентрироваться на последнем отчете. Уже написала заявление на увольнение...

Думала все время только о предстоящем разводе.

Да, для себя я все решила.

Я беременна.

И я готовлюсь к тяжелому разводу с моим неверным мужем.

Сердце сковало тугой железной петлей от воспоминаний, что любимый предал, сделал другой ребенка, а его родственницы налетели на меня, как гиены, и заставляли избавиться от ребенка.

Хотя сначала я корила себя, считала, что смалодушничала, так легко согласившись расстаться с любимым.

Но какая меня ждала участь после появления в моем доме беременной любовницы мужа?

Стать второй женой? Остаться в браке с Байсаровым, пока он сам не выставит меня на улицу?

Опускаю голову, утыкаясь лицом в ладони.

Глаза немного припухли от слез, между лопаток печет, будто мне в спину воткнули нож.

Безжалостно и вероломно.

Предательство имеет особый горький вкус, который пока не был мне знаком. Но теперь... Все самые гнетущие эмоции заполняют мой разум, все мое нутро.

Малыш, конечно же, все чувствует. Хотя он пока совсем еще крошечный, но я понимаю, что должна беречь себя и думать о ребенке, о том, как выносить его и спокойно родить...

Но не получается успокоить тревогу внутри.

Алихан дал мне двухдневную передышку.

Муж не выходил на связь, не звонил и не писал сообщений, как это бывало раньше.

Я, наверное, где-то в глубине души, ждала привычное и родное: «Я прилетел, моя девочка», «Добрых снов моя любимая бусинка».

Но Байсаров молчит.

Мой муж сейчас в командировке.

Официально - Алихан улетел в Нижневартовск, по новому проекту поставки оборудования.

Неофициально, как сказала моя свекровь, он готовится к свадьбе с Наидой и скоро сделает своей женой...

Его отсутствие должно было дать мне свободу.

И мне должно быть легче от того, что не приходится говорить с ним по телефону, играть роль его покорной жены или, наоборот, закатить истерику и все высказать...

Только от одной мысли, что Алихан скоро вернется, мне становится дурно.

Если Байсаров узнает, что я жду ребенка, то он заберет малыша. А меня вышвырнет, как ненужную вещь...

Я не могу чувствовать себя в безопасности. Образ мужа после того, что я узнала о нем, складывался в одну большую картины угрозы для меня, для моей беременности.

Я понимаю, что не знаю того, с кем два года ложилась в одну постель, жила под одной крышей.

И сбежать просто так, как хотели Марина Тимуровна и Алиса, я тоже не могу...

В обеденное время офис быстро пустеет. Из кабинета слышу, как кто-то хлопает дверью переговорки, по коридору катится глухой звук каблуков.

Мой мобильный загорается входящим сообщением, и я невольно вздрагиваю.

Пальцы на мышке трясутся. Мне пишет адвокат.

«Мира Владимировна, сегодняшнее заседание суда перенесли. Я свободен и готов с вами встретиться раньше. Жду вас в офисе».

Вадим Сергеевич Золотов повторно скидывает мне локацию своего офиса, которую за пару дней я выучила наизусть.

Я выбирала юриста дольше, чем планировала. Смотрела отзывы, осторожно интересовалась у подруг и знакомых. Но он - единственный, кто сразу согласился взяться за бракоразводный процесс с Байсаровым.

Фамилия моего мужа сейчас на слуху, и многие юристы просто спасовали, отказав мне в помощи...

Следом приходит второе сообщение: «Отправил вам информацию по Шамхалу Юсупову».

Я быстро открываю файл, закрыв рабочий ноутбук.

Читаю те небольшие сведения, которые Вадим раздобыл об отце Наиды, и леденею от ужаса.

Как Алихан мог связаться с этим человеком?! Ума не приложу!

У Шамхала яркое криминальное прошлое, несколько судимостей и ни одного реального срока.

Тугой комок застревает в горле от... переживаний за моего мужа.

Я на самом деле испугалась, когда узнала с кем решил породниться Байсаров.

Кусаю губы и прогоняю минутную слабость.

- Ты сам все для себя решил, Алихан, - думаю о муже, собирая сумочку.

И участвовать в этой истории, становиться пешкой в неизвестной мне игре я точно не хочу.

На столе аккуратно лежит папка. Я прячу ее в сумку. В ней копии документов, выписки, черновик заявления, контакты адвоката.

Я проверяю телефон. Сообщений больше нет.

Собираюсь к адвокату так, будто собираюсь на встречу, от которой зависит не просто мой брак, а вся моя жизнь.

Я даже список сделала накануне, как в детстве, когда боялась забыть учебник.

Теперь я боюсь забыть хоть что-то, что может стать моим единственным шансом.

Смешно становится и грустно, как будто бумажки могут защитить меня от человека, который привык получать свое.

Я встаю, оглядываю кабинет, точнее, кусок пространства, который мне здесь выделили.

В фирме мужа у меня всегда было ощущение временного места.

Стол не мой. Стул не мой. Даже воздух здесь как будто стал чужим и в нем тесно и душно.

Я уже тянусь к дверной ручке, как звонит внутренний телефон.

- Мира Владимировна? - голос секретаря какой-то неприятно осторожный. - Вас просят подняться в кабинет руководителя. Расул Алимович ждет вас.

Я на мгновение не понимаю.

- Кто меня ждет? - переспрашиваю, так как этого быть не может.

- Расул Алимович Байсаров. Он сейчас в кабинете Алихана Расуловича. Он вас вызывает, вы должны прийти.

Сердце делает резкий удар, будто пытается оттолкнуться от ребер.

Расул Байсаров, мой свекор здесь....

Глава 8

Мира

Со своим свекром я общалась всего два раза. И оба раза - при муже. В первый - на семейном ужине перед свадьбой, где я почти не говорила. Во второй - на мероприятии, посвященном новому большому контракту, который Алихан заключил с фирмой отца.

Расул сказал, что я выгляжу очень эффектно, похвалил сына, что тот выбрал себе красивую жену.

Потом мы виделись в офисе. Но не говорили. Да и повода не было.

Расул всегда прилетал как ураган, и только по настроению мужа я понимала, что его отец снова был в Байсаров Групп. И они снова конфликтовали...

И вот он в офисе. Здесь. Сейчас. И зовет меня к себе.

Я кинула быстрый взгляд на папку с документами.

- Я сейчас поднимусь, - отвечаю секретарю, хотя голос звучит так, будто это говорю не я.

Я беру сумку, папка с документами словно жжет ладонь.

Прячу ее в ящик стола. Не хочу, чтобы кто-то видел. Не хочу, чтобы он видел.

Выхожу в коридор.

В лифте зеркало показывает мое лицо, которого я не узнаю: бледное, собранное, слишком взрослое, не по годам.

Я поправляю волосы, хотя они и так собраны.

Внутри бушует хаос и тягучее ожидание того, что произойдет дальше...

Этаж, где находится кабинет Алихана, встречает тишиной.

Дверь в кабинет, где обычно редко бывает Расул, приоткрыта.

Кабинет моего мужа за годы работы в фирме стал словно старше, тяжелее. Темное дерево, кожаные кресла, на стене картина, которая, наверное, стоит, как моя годовая зарплата.

В ноздри бьет запах дорогого табака, но Алихан не курит.

Вздрагиваю невольно. И стучу, хотя меня тут явно ждут.

- Войдите, - голос свекра низкий, спокойный, и в нем нет приглашения.

Вхожу спокойно, стараясь держаться изо всех сил.

Расул Байсаров сидит не за столом, а в кресле у окна, словно ему не нужно рабочее место, чтобы быть хозяином империи Байсаров Групп.

Он поворачивает голову вальяжно и даже чуточку устало.

И я ощущаю его взгляд, как физическое давление.

Тяжелый, обволакивающий взгляд светло-карих глаз будто буравит дыру и сканирует одновременно.

Отец старше Алихана лет на двадцать, может больше.

Высокий, широкий в плечах, с крепкой фигурой человека, который привык держать тело в дисциплине.

Он бывший боксер, учился в меде, но связал жизнь с бизнесом.

И это читается во всем.

Волосы с проседью, аккуратно подстрижены. Лицо мужественное с четкими скулами и жесткими линиями. Губы тонкие, не для улыбок.

На руке швейцарские часы, которые не кричат, а подтверждают статус тихо и уверенно. Рубашка без единой складки, пиджак сидит идеально.

У него спокойствие хищника. А рядом в кабинете женщина, которую я не видела раньше.

- Мира, - произносит он, как будто мы виделись недавно. - Проходи. Садись.

Это «садись» звучит не как просьба.

Я сажусь на край кресла напротив. Спина прямая. Пальцы сцеплены так крепко, что ногти впиваются в кожу.

Он смотрит на меня еще несколько секунд молча.

Как врач, который уже знает диагноз, но ждет, когда пациент сам все расскажет.

- Я в курсе твоей беременности, - говорит Расул без предисловий. - Как ты себя чувствуешь?

У меня в груди холодеет, будто кто-то резко открыл окно в январе.

- Все в порядке, - начинаю я, но глотаю слова.

Отец моего мужа слегка наклоняет голову.

- Не смущайся. Я должен был узнать первым. Ты думаешь, такие вещи остаются без внимания? - его голос ровный, без повышенной интонации, и от этого слова режут сильнее. - Ты работаешь в нашей фирме. Ты живешь в нашей семье. И ты ведешь себя так, будто одна имеешь право за всех все решать.

Я сглатываю. Во рту сухо.

Другого я не ожидала.

Но перечить такому мужчине ой как не просто.

Расул разворачивается ко мне, а девушка рядом с ним стоит, словно застывшее изваяние.

- Это моя личная жизнь, - выдавливаю я.

Расул смотрит так, будто я сказала глупость.

- Личная жизнь - это когда ты живешь одна и отвечаешь только за себя. Понимаешь разницу, девочка? - свекор делает многозначительную паузу. - А ты сейчас отвечаешь еще и за ребенка. За моего внука. Это двойная ответственность, Мира. А ты...

Я опускаю взгляд на свои руки. В глаза ему смотреть не решаюсь.

- Я не понимаю, зачем вы меня вызвали, - говорю я. - Алихан в командировке.

- Именно поэтому я и приехал, - спокойно отвечает Расул. - Пока мой сын не вернулся, можно поговорить без эмоций и все решить. Тем более Алихан сейчас занят важными делами.

Я почти смеюсь, но смех застревает в горле.

Он говорит так, будто мой муж спасает мир, а ведь на самом деле...

- Сабина, принеси Мире воды, - говорит он темноволосой девушке, все также покорно стоящей рядом.

И тут я понимаю, почему меня передергивает от ее вида.

Ее белый костюм похож на медицинский, и она, как медсестра рядом с опытным хирургом, исполняет его приказ.

- Я также в курсе того, что ты нагрубила моей жене, - продолжает Расул. - И выгнала Марину и Бирюзу из дома.

Меня обдаёт жаром.

Марина Тимуровна, конечно же, доложила ему все, пожаловалась.

Внутри становится грязно, будто зашли в душу и натоптали там.

После визита свекрови я думала: когда Алихан узнает - будет скандал.

Но теперь передо мной сидит человек, который узнал все раньше. И глядя на Расула Алимовича не похоже, что он явился, чтобы просто защитить свою жену и дочку от моих якобы нападков.

- Они пришли без предупреждения, - говорю я тихо. - Я никого не выгоняла. Я попросила уйти. Вы не были при нашем разговоре, так что не делайте выводы из слов вашей жены.

- Я сужу по фактам. Ты не просто нагрубила. Ты выгнала их и Наиду с матерью, - отрезает Расул. - Не играй со словами, Мира.

Я чувствую, как внутри поднимается волна протеста.

Расул не спорит. Этот человек тихо и уверенно ломает.

И больше всего режет слух, что он назвал Наиду по имени, а не ее мать Алию, которая ближе ему по возрасту.

Сабина появляется со стаканом воды в руке, но мне вовсе не хочется пить.

Меня слегка подташнивает.

Кабинет становится словно узким, давящим.

Расул же сидит в кресле, закинув ногу на ногу. Поправляет волосы мощной пятерней и смотрит на меня в упор.

- Ты должна подумать о своем поведении, - говорит он, и в его голосе появляется сталь.

- Ты жена моего сына. И не смела грубить гостям. Я знаю семью Шамхала с институтских времен. Мы вместе с ним учились в медицинском. Но... доктором никто из нас не стал. Наиду я помню еще ребенком. Сейчас она выросла. И тоже пошла по стопам отца, собирается стать врачом, - смеется Расул, обрывая рассказ о Наиде.

Байсаров-старший яро заступает за любовницу Алихана.

А я с ужасом вспоминаю выжимки из приговоров суда Шамхала, которые мне прислал адвокат.

И помню акулю улыбку Наиды.

Какую Шамхал мог вырастить дочку - без слов понятно.

Божечки, все нутро трясет.

Но я не показываю.

Отец моего мужа наклоняется вперед, опирается локтями на колени.

Его пронзительный взгляд становится еще тяжелее.

- Выпей воды и расскажи, что ты решила делать с беременностью? - спрашивает Расул Алимович.

Я дергаюсь, не успев скрыть реакцию.

Сердце начинает стучать быстрее.

Сабина протягивает мне стакан.

Гормоны обострили мое обоняние так сильно, что все запахи я ощущаю гораздо четче и ярче, чем до беременности.

И сейчас от стакана с водой я ловлю такой странный аромат, что меня невольно воротит.

- Моя беременность вас не касается, - отвечаю свекру.

- Срок?

Я поднимаю глаза и понимаю: он не отстанет.

Расул привык получать ответы. И он, кажется, умеет задавать вопросы так, что ты сама начинаешь думать, будто обязана отвечать.

- Небольшой, - говорю я уклончиво.

У него дергается уголок губ. Не улыбка, а знак раздражения.

- Ты зря игнорируешь требования врачей. Есть медицинские показания. И Алихану сыну нужен здоровый наследник. Мы говорили с ним на эту тему, - сухо рассуждает Байсаров, будто выбирает авто в салоне. - Неужели ты не видишь, что Алихан тебя просто жалеет. Я его по-мужски понимаю, конечно. Но нашей семье такой ребенок не нужен. Ты меня поняла, Мира?

- Вас трясет. Вам надо успокоиться. Выпейте воды, - тут же ласковым голосом лепечет Сабина, притворно спасая меня от приступа дрожи.

Под взглядом Расула она готова буквально влить мне проклятый стакан в горло.

- Я не хочу пить, - твердо отвечаю навязчивой «медсестре» Байсарова. - И обсуждать мою беременность я с вами не буду, Расул Алимович.

Сжимаю пальцы сильнее. Хочется кричать до хрипоты, хочется поскорее сбежать отсюда.

- Мира, тебе двадцать пять кажется? А ты так легко ломаешь свою жизнь, - снисходительно улыбается свекор.

Сабина отходит от него, скрывается во второй комнате, где обычно лежат вещи моего мужа: смена рубашек, пара костюмов, чтобы переодеться перед встречей, так как Алихан в последнее время почти живет в своем офисе.

Расул смотрит на меня долго. Потом откидывается назад, медленно, будто что-то решает в эту минуту.

- Ты боишься, - спокойно констатирует он. - Это правильно. Ты оскорбила дочь и жену близкого мне человека. Брата, практически.

«Я выгнала дочку и жену вора и преступника! Такого же... как и вы...» - пульсирует в голове, но я молчу.

- Тебе нужно запомнить: ребенок - это не твоя личная тайна... Я не приверженец традиций, жизнь диктует немножко другое. Но твой ребенок - это моя кровь. Это наша фамилия. Это продолжение нашего рода.

Я слышу, как в коридоре где-то закрывается дверь, но здесь, в кабинете, воздух густеет.

- Я не собираюсь с вашей семьей обсуждать развод и судьбу моего ребенка. Хватит, - говорю я и удивляюсь, что вообще произношу это вслух.

В его взгляде появляется что-то новое. Не злость. Интерес скорее.

Как будто я неожиданно сделала ход, который он не ожидал от «девочки».

- Разводиться собралась, - повторяет он, словно пробуя это мерзкое слово. - Значит, ты уже решила.

Расул встает. Его движение неторопливое, уверенное.

Он подходит ближе, не вплотную, но достаточно, чтобы я ощутила его присутствие физически, как стену.

- Чертова девчонка! - отец моего мужа наклоняется надо мной и смотрит сверху вниз, не сдерживая эмоций. - Ты думаешь, что получишь что-то при разводе? Решила, что будешь спекулировать больным ребенком и жить на деньги Алихана припеваючи? - спрашивает он тихо.

Расул смотрит так, как смотрят на человека, который слишком много о себе возомнил и бросил ему вызов.

У меня холодеют ноги.

Я молчу.

Если отвечу «да» - это сейчас же станет войной. Если скажу «нет» - Расул почувствует слабость.

В дверях появляется Сабина, в руках у нее что-то вроде аптечки.

Череда мыслей проносится у меня в голове как вихрь, от этого хочется скорее встать и бежать прочь.

Если только они выпустят...

Я приподнимаюсь с места, упираясь ладонями в подлокотники кресла.

- Ты извинишься перед Наидой, перед Шамхалом. А потом уберешься из дома моего сына. Никакого раздела имущества не будет.

Я ощущаю, как во мне поднимается паника, липкая, из нее не выбраться.

Как будто стены кабинета становятся ближе.

Я хочу уйти. Я должна уйти к адвокату.

Но ноги словно не мои.

Я пыхчу к двери, стараясь скорее сбежать отсюда, но Расул преграждает мне путь.

- Выпустите меня. Отпустите! - я кричу, но едва ли меня кто-то слышит на этаже, где сейчас никого кроме нас нет.

В голове я за эти минуты просчитала все варианты. Если бы не пришла сюда то Расулу не составило бы труда явиться ко мне домой, к моей матери, или выловить меня где-то по дороге...

У Сабины звонит мобильный телефон, заставляя моего свекра обернуться.

- Да... Да, передам, - быстро за секунду чеканит Сабина в трубку и тут же рапортует своему боссу. - Алихан в офисе.

Расул смотрит на меня еще раз, медленно, оценивающе.

Он делает паузу, затем добавляет, словно ставит точку:

- Сейчас Сабина сделает тебе укол. Ты успокоишься, мы поговорим с Алиханом все вместе. И мы решим, что делать с проблемой, которую ты носишь под сердцем.

Жестокость его слов обескураживает.

«Медсестра» Байсарова уверенно идет ко мне, достает из аптечки заранее приготовленный шприц.

Кровь стремительно приливает к лицу.

Мне становится до дурноты плохо. Я вырываюсь из рук Расула, но силы не равны.

В этот момент прямо за дверью раздаются шаги.

Дверь в кабинет моего мужа распахивается, и в ней появляется, нет не Алихан, а его заместитель.

-Тут-тук, - заглядывает в пространство комнаты Антон Олегович.

Мужчина видит перед собой сцену, которую Расул предпочитал бы скрыть ото всех.

Руки свекра цепко сжимают мои запястья, а позади стоит Сабина со шприцом наготове.

- Я думал, что Алихан уже вернулся из командировки, - сконфужено цедит Антон. - Добрый день, Расул Алимович... Простите, что побеспокоил...

Антон пасует перед Байсаровым, тянет ему руку для приветствия.

Да кажется все в этой фирме принадлежит моему свекру.

Расул звучно хмыкает, и выпускает меня на мгновение.

И я выскальзываю в открытую дверь...

Я не помню, как добежала до кабинета, как схватила папку с документами, собранными для юриста.

Выхожу в коридор и только там позволяю себе вдохнуть, шумно и коротко, будто воздух легкие жжет.

Лифт едет слишком медленно.

На первом этаже шумно, люди ходят, как будто все нормально.

Я достаю телефон. Пальцы дрожат, вызываю такси к офису, чтобы быстрее добраться до конторы Вадима Сергеевича.

Адвоката, которого я еще не видела, но на которого уже возлагаю жизнь.

Я понимаю, что мне сейчас нужен не просто опытный юрист, а настоящий ангел-хранитель. И не только мне, но и моему ребенку, против которого ополчилась вся семья Байсаровых....

Из стеклянного холла я выскакиваю на улицу.

Частые крупные хлопья снега за секунду запорошили мои волосы, и я поспешно натягиваю палантин, который съехал с головы в суматохе.

- Мира! - где-то сбоку от себя слышу до боли знакомый голос.

Родной голос моего мужа... и жестокого предателя.

Я не оборачиваюсь назад, быстро перешагивая занесенные снегом ступеньки.

Почти бегом бегу от офисного здания.

А мой муж также быстро идет за мной.

На парковке Алихан меня догоняет.

- Мира! Черт возьми! Ты куда рванула? - кричит мне стальным басом Байсаров.

Ощуаю на своем предплечье его мощную хватку.

Алихан одним жестом останавливает меня, к себе разворачивает.

- Мира, ты меня не слышишь? Что с тобой?! - его бездонные глаза проходятся по моему лицу и всматриваются в меня так глубоко, что озноб пробирает до мурашек.

- Оставь меня в покое! - рвется из моих губ истерично и с надрывом.

Мы остановились посреди машин, и я замечаю припаркованный тут же автомобиль Алихана.

На водительском месте никого нет, видимо муж приехал сам, без шофера.

А на пассажирском сиденье расположилась та, кто разрушила мою семью, разбила вдребезги все, что нас связывало с мужем.

Наида смотрит на меня так сердито, прожигаяще, что, если бы взгляд мог убивать - я уже лежала бы ничком на снегу.

- Ты с ней сюда приехал... Алихан, как ты мог, - говорю мужу, качая головой.

Эмоции тут не помогут, у него в машине беременная Наида с огромным животом.

- Сядь в машину, Мира. Я отвезу тебя домой. Или к маме, если захочешь. И по дороге мы поговорим, - серьезно заявляет мне муж.

Внутри сначала спичкой вспыхивает обида, потом она становится пожаром, в котором горит вся любовь к предателю.

- Я никуда с тобой не поеду. Твоя любовница беременна. Она родит тебе сына, как ты и мечтал, - говорю Алихану, глядя на ехидное лицо Наиды.

Алихан преграждает мне путь, нависая надо мной, как скала. Его мощная фигура стоит как стена передо мной.

Муж подходит ко мне, берет меня за руку, как ни в чем не бывало.

Блондинка с кукольным личиком и черной душой сидит в его машине, хищно смотрит на нас, будто она - победительница.

Вокруг нас собираются люди, Байсаров сощуривает глаза и пепелит меня льдисто-голубым взглядом.

Свидетелей нашей ссоры достаточно.

- Отпусти. Ты меня предал! Мне даже находиться рядом с тобой противно, - кричу, и мой голос ломается от боли.

Вырываю руку из его цепкой хватки.

Прикрываю ладонью живот, будто защищая своего малыша.

- Какого черта ты творишь, Мира? Сядь в машину. Ты моя жена и должна сейчас делать то, что я скажу, - зло выплевывает.

- Я с тобой развожусь, - в первый раз проговорила я так громко, что Алихан моментально изменился в лице.

Маска холодности сползла с его высоких скул.

Кажется, он был готов меня убить в этот момент.

- Я с тобой развожусь, - повторяю во второй раз, не ожидая того, что дальше сделает Байсаров....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.